

ДЕСКРИПТИВНЫЙ И АСКРИПТИВНЫЙ ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ ДЕЙСТВИЯ

В. В. ОГЛЕЗНЕВ

Томский государственный университет

ogleznev82@mail.ru

VITALY OGLEZNEV

Tomsk State University, Russia

DESCRIPTIVE AND ASCRIPTIVE APPROACHES TO THE ELUCIDATION OF ACTION

ABSTRACT. This essay is concerned with different approaches to the elucidation of action. It explicates the influence of Aristotle's theory of action on the development of the modern philosophy of action, provided, first of all, by Reductionist and Causalist's points of view. The author argues that the denial of the physical and psychological components of the action allows to conclude, firstly, that action is a social concept, logically dependent on the accepted rules of conduct; secondly, that it is fundamentally not descriptive, but ascriptive in its character; and thirdly, that it is a defeasible concept to be defined through exceptions and not by a set of necessary and sufficient conditions whether physical or psychological.

KEYWORDS: Aristotle, action, movement, behavior, conduct, intention, responsibility, descriptive and ascriptive approaches.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6).

Что такое «действие»? Достаточно распространенным поводом для постановки вопроса о природе действия служит интуитивное различие того, что *случается* с человеком, и того, что этим человеком *совершается*. Именно последнее является актом или действием агента. Ключевая проблема природы действия могла бы быть сформулирована так: чем действие отличается от происшествия или случая? Хотя с недавних пор философия значительно продвинулась в понимании всей сложности употребления глагола

ΣΧΟΛΗ Vol. 10. 2 (2016)

© В. В. Оглезнев, 2016

www.nsu.ru/classics/scholar

«делать», но тем не менее вопрос этот не достаточно хорошо разработан (Wilson, Shpall, 2012). Например, человек может чихать, кашлять, моргать, краснеть, и все это, хотя бы в минимальном смысле, им совершено, хотя в обычном понимании он при этом оставался пассивен.

Действительно, в повседневной жизни мы обычно противопоставляем то, что мы делаем, тому, что случается (или происходит). Карлос Мойя называет это различие «важной концептуальной полярностью, которую следует учитывать» (Moуа 1990, 2). По его мнению, «было бы ошибкой отрицать то, что мы способны четко различить действия и происшествия (*happenings*). Но это не является доказательством правильности подобного различения или существования действий. <...> Существуют действия или нет, на этот вопрос сложно ответить при помощи непосредственного наблюдения. Тот, кто сомневается в существовании действий, не задается этим для многих очевидным вопросом. Вместо этого он желает понять, являются ли понятия, которыми мы обычно пользуемся для описания или объяснения этих наблюдений, приемлемыми и непротиворечивыми. Если нет, то мы отвечаем на этот вопрос отрицательно: если действие является противоречивым понятием, то нет и действия в том смысле, в котором нет круглых квадратов. Таким образом, анализ понятия действия самого по себе есть основной предмет философии действия» (Moуа 1990, 2).

Но простого постулирования существования у нас способности четко отличать действия от происшествий не всегда достаточно, поскольку иногда случается так, что мы не можем различить собственно действие и последовательность происшествий. Это порождает скептическое отношение к действиям, которое может принимать различные формы: от полного их отрицания до существенного упрощения. В качестве примера Мойя предлагает рассмотреть случай с глотком воды – случай, который для многих является убедительным примером действия (Moуа 1990, 3). Но почему мы называем это действием, а не происшествием? Где здесь деятельная часть? Что я *сделал*, когда сделал глоток воды? Сила гравитации направила воду из стакана мне в рот. В таком случае попадание воды мне в рот – это в некотором смысле происшествие. Вода попала мне в рот по причине поднятия стакана. Разве это действие? Конечно, можно сказать, что стакан поднял я, а значит, действие совершил я. Но на самом деле поднятие стакана было вызвано движением моей руки, которое, в свою очередь, было вызвано сокращениями определенных мышц, которые, в свою очередь, были вызваны взаимодействиями определенных нейронов и т. д. Действие в таком случае как бы разлагается или упрощается до последовательности происшествий. Наше различение действий и происшествий начинает терять свою четкость. Со-

здается впечатление, что то, что мы называли «действием», на самом деле является набором каузально обусловленных происшествий.

Интересно в этой связи мнение Абрахама Мелдена, который отмечает, что желание упростить действие до последовательности происшествий возникает из следующей схемы: «Действия являются происшествиями (*happenings*). Суждения, описывающие действия, могут быть истинными или ложными. Всегда случаются только движения тела и ничего более. Таким образом, что бы ни стояло за суждением о действии, оно всегда описывает движение» (Melden 1956, 532). К анализу этой схемы рассуждений мы еще вернемся, чтобы продемонстрировать слабые стороны дескриптивного подхода к объяснению действия, а пока обратимся к вопросу: какова связь между движениями и действиями? Мы постараемся показать, как ответ на этот вопрос способствует прояснению действия, и какой подход в этом преуспевает.

Когда я совершаю действие, безусловно, части моего тела двигаются. Успешное совершение простых действий, например, зажигание спички, удар ногой по футбольному мячу, написание предложения, требует нашей способности определенным образом управлять движениями собственного тела. Но как можно говорить об управлении действием, например, в ситуации, в которой агент здоровой левой рукой перемещает в нужном направлении парализованную правую руку? Агент осуществляет прямой контроль над движениями левой руки. Но цель, которую он стремится достичь, – это определенное новое положение правой руки. Можно ли считать движение парализованной руки целесообразным и целенаправленным? Можно ли говорить о прямом контроле над движениями больной руки? (Wilson, Shpall, 2012) Иногда движения человеческого тела выглядят скорее как движения неодушевленной вещи, нежели как действия человека. Последнее происходит, например, в ситуациях, когда кто-то, находясь без сознания в припадке эпилепсии, в судорогах наносит беспорядочные удары и травмирует другого или когда кто-то, внезапно ужаленный пчелой, от мучительной боли роняет из рук тарелку и разбивает ее. Можно было бы сказать, что в этих случаях движения человека были «ненамеренными» или «не управлялись им», и что если бы мы называли эти движения «действиями», то лишь в минимально возможном из всех смыслов этого широко используемого слова, т. е. в том смысле, в котором оно охватывает все, что можно сказать, соединяя глагол с одушевленным подлежащим (Hart 1960, 116). Но как нам в таком случае отграничить сходение по лестнице вниз от скатывания с лестницы, как чего-то, что «на самом деле» вовсе действием не является?

Очень сложно удержаться от соблазна рассматривать действие как намеренное движение. Но это значит – забыть «предупреждение» Аристотеля о том, что термин «намеренный» является слишком общим, поскольку обозначает различного рода движения: «нелегко определить какие поступки следует предпочесть, потому что обстоятельства многообразны» (Аристотель, *Никомахова этика* 1106^b5; здесь и далее пер. Н. В. Брагинской). И хотя в работах Аристотеля мы не найдем прямые ответы на такие вопросы как «Что такое действие?» или «Что значит совершить действие?», результаты его исследований по теории действия, изложенные, прежде всего, в *Никомаховой этике*, необходимо учитывать, чтобы понять характер и направления дискуссий в современной философии действия. В частности, речь идет об анализе намеренного (ненамеренного) действия и сознательного выбора линии поведения.

Но все-таки, что Аристотель понимает под действием? Как термин *praxis* у Аристотеля не просто *действие*, но сознательный человеческий *поступок*, имеющий целью только сам себя; *praxis* означает всякое человеческое действие, мысль, творчество и поступок, поэтому в нем важен результат (Доватур, Кессиди 1983, 693). Действия совершаются ради определенных вещей, но эти вещи не являются целями сами по себе, ради которых мы их совершаем. Только добродетельные поступки, по Аристотелю, ставят перед собою определенные цели, а не избираются во имя них самих. Поэтому намеренное действие рассматривается Аристотелем как «то, источник чего – в самом деятеле, причем знающем те частные обстоятельства, при которых поступок имеет место» (*Никомахова этика* 1116^b20). Он приходит к этому определению через рассмотрение условий, при наличии которых действие становится ненамеренным (Сооре 2010, 439): а) поступки, совершаемые подневольно, являются ненамеренными (110а); б) поступки, совершаемые по неведению, являются ненамеренными (1106^b20). Напротив, совершая поступки по своей воле, «источник движения членов тела заключен в самом деятеле, а если источник в нем самом, то от него же зависит, совершать данный поступок или нет» (110а15). Иными словами, «человек – источник поступков» (112^b30). Но что Аристотель имеет в виду, когда говорит, что «источник движения членов тела заключен в самом деятеле»? По-видимому, так говоря, он не подразумевает, что действие – это каузальный процесс, предполагающий наличие причины в человеке. Например, Джон Эйкрил отмечает, что «источник действия [у Аристотеля] это, несомненно, желание. Но есть биологические процессы, которые не зависят от желаний, и не могут быть ни намеренными, ни ненамеренными, поэтому, как считает Аристотель, не каждый внутренний источник приводит к намеренному дей-

ствию» (Askrill 1978, 600). Действительно, Аристотель пишет: «Многое ведь из того, что существует от природы, мы совершаем и испытываем, зная это, но ничто из этого не является ни произвольным, ни непроизвольным, как, например, старение или умирание» (там же, 135b). Сказанного достаточно для предположения, что Аристотель не является сторонником ни редукционистской позиции, рассматривающей действие как набор телодвижений, ни каузалистской позиции, указывающей на необходимое наличие в действии метального фактора (интенциональных установок). Однако его работы продолжают оказывать серьезное влияние на обе указанные традиции.

Таким образом, с ответа на вопрос «Какой анализ действия можно считать успешным (или в некотором смысле правильным?)» начинается формирование поведенческой стратегии, представляющей собой совокупность интенциональных установок и/или стимулов для совершения определенного действия. Как мы уже отмечали, данный анализ возможен при правильной интерпретации употребления глагола «делать» (*to do*): его употребление в настоящем и будущем времени – *дескриптивно* (от англ. describe – описывать), в то время как в прошедшем времени, например, в предложении «Это сделал он», – главным образом *аскриптивно* (от англ. Ascribe – приписывать). С этой точки зрения, и редукционистский и каузалистский анализ действия не эффективны, потому что эти подходы направлены на определение понятия через формулирование необходимых и достаточных условий его применения. Одним из первых, кто обнаружил и детально описал это положение дел, был Герберт Харт. Он заметил, что сказать «X совершил действие A» с точки зрения и традиционной (редукционистский подход) и современной (каузалистский подход) версий анализа действия, значит сказать нечто, что может быть выражено категорическими суждениями, описывающими, соответственно, движение тела X и психическое отношение X к содеянному. По мнению Харта, логика этих подходов является ложной, потому что предполагается, что понятие «действие» может быть определено только через дескриптивные высказывания, касающиеся отдельного индивида. Дескриптивные высказывания не пригодны для анализа предложений типа «Это сделал он». Харт демонстрирует это на примере ответа на вопрос «Что отличает физическое движение человеческого от человеческого действия?»: «Традиционный ответ состоял в том, что различие коренится в имеющих место до или одновременно с физическим движением обстоятельствах ментального события, относящегося (как надеялись) к физическому движению как его психологическая причина <...> Современный ответ состоит в том, что сказать, что X осуществил действие, значит утверждать категорическое суждение о движении его тела и общее гипоте-

тическое суждение или суждения в том смысле, что *X* отреагировал бы иными способами на иные стимулы, или что его тело не двигалось бы, как оно двигается, или некоторых физических последствий можно было бы избежать, поступи он иначе, и т. д.» (Харт 2010, 131). Оба этих ответа кажутся Харту ошибочными или, по крайней мере, неадекватными, поскольку и тот, и другой совершают общую ошибку, предполагая, что адекватный анализ действия можно обеспечить какой-то комбинацией дескриптивных предложений или какими-то предложениями, целиком связанными с отдельным индивидом. В этом смысле, нельзя провести различие между предложением «Его тело столкнулось с другим телом» и «Он его ударил» без ссылки на недескриптивное употребление выражений, посредством которых приписывается ответственность (Denaro 2012, 167). Описание человеческого действия не одно и то же, что описание его телодвижения или ментального фактора, побудившего к этому. Поэтому Харт признает ошибочным анализ понятия действия, идентифицирующий значение недескриптивного произнесения, приписывающего ответственность, с фактическими обстоятельствами, которые подтверждают приписывание или являются его достаточными причинами (Харт 2010, 131).

Чтобы показать этот «существенно недескриптивный» (а значит – аскриптивный) характер действия рассмотрим обычные шахматные правила. Соответствие действий условиям, оговоренным правилами, подобно «ходу» в шахматной игре; также имеются последствия, описанные в понятиях шахматных правил, которыми система позволяет игрокам достигать определенных целей. Что представляет собой понятие «шахматный ход»? Есть несколько вариантов ответа на этот вопрос. Чтобы сделать «шахматный ход» во время игры, мне надо просто передвинуть шахматную фигуру в определенное место, т. е. я при помощи своих рук перемещаю фигуру с одного квадрата шахматной доски на другой. Очевидно, что пока мы сосредотачиваем внимание на физических (передвижение фигуры) и психологических (передвигая фигуру, я *тем самым* делаю «шахматный ход») процессах, мы не сможем отличить «шахматный ход», сделанный шахматистом, от простого (непродуманного) перемещения им фигур. Мы попытаемся обосновать точку зрения, что сделать «шахматный ход» – значит совершить действие, в то время как констатация того, что выполнено некое действие, не дает нам оснований утверждать, что имело место определенное действие. В противном случае действием будут называться случаи, когда совершены соответствующие движения пальцев, рук или ног и т. д.

Конечно, можно поддасться искушению и определить шахматный ход как некое физическое и психологическое явление или просто утверждать, что

это понятие недескриптивно или неопределимо. Очевидно, что данное понятие имеет социально обусловленный характер и логически связано с понятием правил: «Игра становится именно шахматной игрой благодаря всем ее правилам» (Витгенштейн 1994, 161). Как эта связь действия с правилами позволяет нам различить действия ребенка, беспорядочно передвигающего шахматные фигуры, и действия шахматных игроков? Это возможно сделать при следовании или наблюдении соответствующих правил.

В основании любого правила лежит идея повиновения или следования ему. Дети, передвигающие фигуры по шахматной доске, не повинуются и, следовательно, не нарушают шахматных правил – они в принципе не играют в шахматы. В этом смысле шахматист может нарушить правило только в том случае, если он усвоил идею повиновения ему. Правило не есть суждение, которое мы можем понять вне практики повиновения или следования ему (Дидикин 2015, 85–86). Понять правило – значит понять идею повиновения, заключенную в правиле. Следовать или повиноваться правилу не то же самое, чего требует правило, поскольку в этом случае придется искать то, к чему правило применяется, а затем решать – повиноваться ему или нет. Но подобная точка зрения создает как бы иллюзию следования правилу, а также того, что индивид усвоил правило (Ладов 2008). Как только мы изучили правила, мы не интерпретируем правило относительно данной ситуации и не следуем ему с намерением повиноваться – мы *просто* повинуемся. Если же мы принимаем решение ему не повиноваться, такой выбор вообще не является выбором в том смысле, что «невозможно, чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды» (Витгенштейн 1994, 162). Следование правилу заключается в приобретении обычая, привычки, практики. Нельзя утверждать, считает Витгенштейн, что каждый отдельный (индивидуальный) случай действия по привычке или обычаю – факт следования правилу. Известные случаи следования правилу суть случаи, в которых агент приобрел привычку, практику, обычай – образ мыслей и действий, характеризующие человека, следующего соответствующим правилам. Представим, ребенок передвинул «пешку», шутливо назвав ее «конем» с одного квадрата на шахматной доске на другой так, что этот «ход» соответствует правилу хода «пешки». Можем ли мы сказать, что ребенок следует правилам, перемещая «пешку», шутливо названную «конем», по правилу «пешки»? Можем ли мы сказать, что он *знает* правило хода пешки? Освоил ли он правила игры и, следуя им, приобрел ли он особый образ мыслей и действий? «Шахматный ход» это не передвижение «пешки» с одного квадрата на другой, но действие, посредством которого игрок демонстрирует приобретенную им практику действий. Если *X* не знает, что *значит* «сделать ход»

(совершить определенное действие), то ему бесполезно рассказывать или объяснять, что были сделаны такие-то «ходы», равно бесполезным будет и наблюдение за игрой. Если же *X* не знает правил шахмат, но понимает, что происходит следование правилам некой игры, то сообщения о том, что сделаны такие-то «ходы» будут поняты только самым фрагментарным образом; он сможет лишь понять, что играют в какую-то игру.

Иногда существование правил отрицается, поскольку вопрос о том, проявляет ли *X*, действуя определенным образом, то, что он посредством этого принимает какое-то правило, требующее от него действовать таким образом, смешивается с психологическими вопросами, относящимися к мыслительным процессам, через которые *X* прошел до или во время действия (Харт 2007, 143). Очень часто, когда человек принимает правило как обязывающее его и как нечто, что он и другие не вольны изменить, он может видеть то, что оно требует в данной ситуации, просто на уровне интуиции и делать это, не думая в первую очередь об этом правиле и о том, что оно требует. Когда мы двигаем шахматную фигуру в соответствии с правилами или останавливаемся на красный свет, наше подчиняющееся правилам поведение является прямой реакцией на ситуацию, непосредственной подсчетами в категориях правил. В качестве доказательства того, что такие действия являются подлинным применением правил, Харт рассматривает их развитие в определенных ситуациях, а именно: некоторые из них предшествуют тому или иному действию, другие следуют за ним, и некоторые из них устанавливаемы лишь в общих и гипотетических категориях. Наиболее важными из этих факторов, показывающих, что, действуя, мы приняли правило, является то, что если против нашего поведения возражают, мы склонны оправдывать его отсылкой к правилу; и подлинность нашего принятия правила может проявиться не только в прошлом и дальнейшем признании и следовании ему, но и по тому, что мы критикуем себя и других за отклонение от правила. На основании такого или подобного свидетельства мы действительно можем заключить, что если, до нашего «неосознанного» согласия с правилом, нас попросили бы сказать, как поступать правильно и почему, мы, если отвечали бы честно, указали бы на правило. Именно это установление нашего поведения в таких обстоятельствах, а не сопровождение его явной мыслью о правилах является необходимым для различения действия, являющегося подлинным соблюдением правила, от того, которое просто случайно было совершено в согласии с ним (Харт 2007, 144). Мы отличили бы, утверждает Харт, как согласованный с принятым правилом ход взрослого шахматиста от действия ребенка, который просто толкнул фигуру на правильное место.

Можно усомниться в том, что «шахматный ход» представляет собой особый вид действия. Ведь мы совершаем действия разными способами, даже когда мы убираем фигуры с шахматной доски, заканчивая тем самым игру, мы совершаем некое действие. Кроме того, «человек может передвигать фигуры на шахматной доске по привычке, а может делать это, приняв правило, которое объясняет ему, как правильно делать ходы» (Харт 2007, 250). Верно отмечает Мелден, что искусственность примера «шахматного хода» приводит нас к важному моменту, а именно, к осознанию необходимости учета практического контекста (Melden 1956, 536). Этот практический контекст позволяет установить различия между движениями и действиями. Правильно описать что-либо можно только правильно задав контекст соответствующего употребления глаголов. Отчасти поэтому и невозможно полное описание, ибо невозможно описать полный контекст. Правила в этом смысле представляют собой нормы или границы этого контекста.

Подобно «шахматному ходу», понятие «действие» нуждается в определенном контексте, обусловленном практикой следования правилам, и позволяющим различить движения и действия (Касаткин 2014, 174–194). Контекстуальный анализ суждения «Он его ударил» указывает на то, что кто-то совершил некоторое действие, которое понимается как утверждение о совершении определенных телодвижений и указывает на требование порицания или наказания за совершение этого действия. Поэтому для интерпретации или квалификации подобных действий, с одной стороны, достаточно восприятия наблюдаемых физических движений, и в таком случае произнесение *дескриптивно*, но, с другой стороны, наличие необходимых и достаточных условий не всегда достаточно, так как могут появиться некие новые обстоятельства, отменяющие характер представленного утверждения. В таких случаях предложения, описывающие действия, становятся *аскриптивными*.

При объяснении аскриптивной природы действия, помимо трудностей и противоречий, связанных с различием действий и движений, также приходится столкнуться с так называемой теорией «ментального фактора», когда достаточным условием и необходимым основанием возникновения ответственности является наличие «умысла» и возможности «предсказания своих действий», т.е. определенной интенции, которая служит причиной поступков (Оглезнев 2015, 201). Теория «ментального фактора» – это теория, которая обосновывает дескриптивную природу действия, и когда на вопрос виновен ли тот или иной человек в определенном проступке, мы должны ответить, виновен, если обнаружим в его поступках «намерение». Гилберт Райл отмечает интересный факт зависимости теории ментального фактора

от того, что он называет «интеллектуальными способностями», т. е. от сознания, мышления и разума. Когнитивные способности и сам процесс познания при правильной методологической интерпретации могли и не приводить к постулированию ментальной сферы событий. Используя достижения лингвистического поворота, процесс познания и его руководящие факторы, можно интерпретировать, не ссылаясь на недоступные наблюдению эпизоды из внутренней жизни индивида. В этом случае познавательные способности редуцируются до способностей пользоваться языком или до способности понимать и употреблять слова в языке, а различия «между описанием бессознательно совершенного действия и описанием физиологически сходного с ним действия, но выполненного целенаправленно, с расчетом или сноровкой <...> заключаются в отсутствии или наличии определенного рода поддающихся проверке объяснительно-предсказательных суждений» (Райл 1999, 34). Однако рациональное поведение – это поведение, для которого существует теория, описывающая его и предсказывающая его последствия, поэтому «интеллектуалистская легенда» ложна и что, когда мы описываем действие как разумное, это не влечет за собой описания двойной операции обдумывания и исполнения.

Харт отвечает на это затруднение, с одной стороны, критикой понятий «умысла», «воли», «намерения» по причине их нечеткости (*vagueness*) и двусмысленности (*ambiguity*), а с другой стороны, демонстрацией того, что эти ментальные понятия раскрываются через перечисление конкретных физических условий, отсутствие которых гарантирует наличие этих загадочных сущностей. То есть Харту удалось вернуть рассмотрение проблемы правоприменения из области психологии в привычную область проблем взаимоотношения фактов и норм. Психологический критерий (ментальный фактор) не в состоянии объяснить черту, которую мы проводим между тем, что мы продолжаем называть действием, хотя и случайным, и другими случаями. Если я целюсь в столб, и ветер отклоняет мою пулю так, что она попадает в человека, обо мне говорят, что я выстрелил в него случайно, но если я целюсь в столб и попадаю в него, а пуля рикошетирует и попадает в человека, то это вообще не было бы названо моим действием. Но ни в том, ни в другом случае я не намеревался, не настраивал себя это сделать и не желал того, что случилось.

Харт, справедливо отмечает, что теория ментального фактора не объясняет отличие человеческого поведения от телодвижений, а значит, она и не в силах объяснить рациональное действие. В связи с этим возникает вопрос, если ментальные понятия больше не являются основанием для объяснения рационального поведения, то, что могло бы стать таким основанием? Таким

основанием могла бы стать аскриптивная теория действия, охватывающая примеры сознательных и бессознательных состояний, изложенные в литературе, но с необходимостью отличалась бы от представленной там разновидности общего объяснения в двух базовых отношениях. Во-первых, она была бы отграничена от всякого утверждения о том, что обыденный способ изъяснения, касающийся действий, является подчиненным или менее точным по сравнению с их определением в качестве мышечных сокращений. Во-вторых, бездействия подлежали бы рассмотрению отдельно от действий (Hart 1960, 134). Тогда, с учетом этих двух положений, мы могли бы охарактеризовать ненамеренные движения, например, в условиях эпилепсии или приступа, в качестве движений тела, которые производятся, не будучи при этом уместными, т. е. обязательными для какого бы то ни было действия (в его обыденном понимании), которое совершает субъект с его собственной точки зрения.

Отрицание физического и психологического компонентов действия позволяет прийти к следующим выводам, во-первых, действие является социальным понятием и логически зависит от принятых правил поведения, во-вторых, по характеру оно существенно не *дескриптивно*, но *аскриптивно*, и, в-третьих, оно представляет собой понятие, определяемое посредством исключений, а не посредством множества необходимых и достаточных условий, физических или же психологических.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Витгенштейн, Л. (1994) *Философские работы*. Часть 1, пер. с нем. М. С. Козловой. Москва.
- Дидикин, А. Б. (2015) «Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 2, 83–89.
- Доватур, А. И., Кессиди, Ф. Х., ред. (1983) *Аристотель. Сочинения в четырех томах*. Москва. Т. 4.
- Касаткин, С. Н. (2014) *Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта*. Самара.
- Ладов, В. А. (2008) *Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии*. Томск.
- Оглезнев, В. В. (2015) «Намерение, действие, ответственность», *Эпистемология и философия науки* 3, 199–209.
- Оглезнев, В. В., Суворцев, В. А. (2014) «Правила, юридический язык и речевые акты», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 8, 293–302.
- Райл, Г. (1999) *Понятие сознания*, пер. с англ. под ред. В. П. Филатова. Москва.

- Харт, Г. Л. А. (2007) *Понятие права*, пер. с англ. под ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. Санкт-Петербург.
- Харт, Г. Л. А. (2010) «Приписывание ответственности и прав», пер. с англ. В. В. Оглезнева, *Правоведение* 5, 116–135.
- Akrill, J. L. (1978) “Aristotle on Action,” *Mind*, n. s. 87, 595–601.
- Denaro, P. (2012) “Moral Harm and Moral Responsibility: A Defence of Ascriptivism,” *Ratio Juris* 25, 149–179.
- Hart, H. L. A. (1960) “Acts of Will and Responsibility”, *The Jubilee Lectures of the Faculty of Law, University of Sheffield*, 115–144.
- Hart, H. L. (1961) *The Concept of Law*. Oxford.
- Moya, C. J. (1990) *The Philosophy of Action: An Introduction*. Cambridge.
- Melden, A. I. (1956) “Action”, *Philosophical Review* 65, 523–541.
- Cooper, U. (2010) “Aristotle,” *A Companion to the Philosophy of Action*, ed. by Timothy O'Connor and Constantine Sandis. Blackwell Publ., 439–446.
- Ryle, G. (1949) *The Concept of Mind*. New York.
- Wittgenstein, L. (1953) *Philosophical Investigations*. Blackwell Publ.
- Wilson, G., Shpall, S. (2012) “Action,” *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2012 Edition), Edward N. Zalta (ed.), <http://plato.stanford.edu/archives/sum2012/-entries/action>.